

О.В. Барашкова,

аспирант кафедры политической экономики экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Задача снижения пространственных диспропорций, актуальная для России, требует изучения пространственных характеристик национальной экономики. В статье представлена характеристика направлений экономической науки, предметом изучения которых являются пространственные аспекты социально-экономического развития. По результатам проведенного анализа выявлен потенциал этих направлений для решения теоретических и практических задач развития субнациональных пространств.

Ключевые слова: пространственная экономика, региональная экономика, новая экономическая география, воспроизводственный подход к региональному развитию, системная регионалистика, развитие субнациональных пространств.

УДК 330.101 ББК 65.01

Объяснение развития и изменения регионов является одним из важных вызовов, стоящих перед социальными науками [70, с. 14]. Характеристика направлений экономической науки, в предмет изучения которых входят пространственные аспекты, имеет значение для решения таких теоретических и практических задач, как выделение теоретических оснований сравнительного анализа регионов; обоснование индикаторов роста и развития субнациональных пространств; обоснование критериев, позволяющих учитывать влияние неоднородности пространства на развитие страны; разработка типологии регионов для целей проведения экономической политики.

Предметом исследования в настоящей статье являются теоретические концепции региональной и пространственной экономики¹. Целью анализа является выявление возможностей и ограничений основных подходов к исследованию пространственных аспектов экономики с точки зрения применения выводов и теоретических положений для разработки системы параметров сравнительного анализа субнациональных пространств.

В работе мы рассмотрим следующие основные направления изучения пространственных аспектов экономического развития: региональная экономика, воспроизводственный подход к региональному развитию, системная регионалистика, концепция региональной конкурентоспособности (ориентация на саморазвитие регионов), мезоэкономика, традиционный институционализм (в т.ч. теория полюсов роста Ф. Перру), новая экономическая география, эволюционная экономическая география. Ввиду ограниченности объема статьи более подробно мы остановимся на характеристике направлений, представляющих наибольший исследовательский интерес с точки зрения поставленных нами задач, а именно, большее внимание мы уделим воспроизводственному подходу, концепции региональной конкурентоспособности, теории полюсов роста Ф. Перру и новой экономической географии.

Региональная экономика рассматривает регион как систему, уделяя большое внимание взаимодействиям и взаимосвязям, существующим внутри региона и между регионами. Данный подход имеет наиболее длительные корни в истории отечественной экономической науки². Его развитие в советский и постсоветский период востребовано в связи с необходимостью решения актуальных задач пространственного развития страны, сглаживания региональной дифференциации, обеспечения единства экономического пространства. Среди российских исследователей — представителей данного направления в постсоветский период следует назвать А.Г. Гранберга [5], Н.В. Зубаревич [9, 10], О.В. Кузнецову [18, 19, 20], Л.В. Мельникову [29], П.А. Минакира [30, 31], Н.Н. Михееву [34, 35], А.Н. Пилясова и Н.Ю. Замятину [8, 38] и др.

В региональной экономике особым акцентом на принципы системного подхода выделяется *системная регионалистика*. В этом направлении работают такие известные исследователи-регионалисты, как В.Н. Лексин [26, 27, 28] и А.Н. Швецов [28, 56].

С позиций *воспроизводственного подхода* рассматривают пространственное развитие В.М. Кульков [21, 22, 23], И.М.

Теняков [50], В.Н. Черковец [54], и др. Методологию системно-воспроизводственного подхода на общенациональном уровне применяет в исследовании проблем потенциала развития и факторов торможения российской экономики К.А. Хубиев [53]. Воспроизводственный подход опирается на классическую политическую экономию. Воспроизводство является исходным системообразующим звеном в экономической теории, состояние воспроизводства предопределяет уровень развития общества [3]. С точки зрения данного подхода ключевым понятием в пространственной экономике является единое экономическое пространство (ЕЭП). Для ЕЭП характерны единое институциональное управление, плотность и насыщенность хозяйственных связей, высокая мобильность и минимальные барьеры хозяйственной деятельности, беспрепятственное движение ресурсных, финансовых и товарных потоков, экономическая безопасность территории и другие особенности. Барьеры ЕЭП обуславливают разнородность регионального развития, полностью устранить которую невозможно, но внутренние механизмы ЕЭП направлены на снижение неоднородности [21]. Методология воспроизводственного подхода применяется также в исследовании, развивающих приложение метода «затраты-выпуск» к анализу структурных параметров региональной экономики и межотраслевых взаимодействий на региональном уровне [35, 43].

В рамках *концепции региональной конкурентоспособности* академик А.И. Татаркин обосновывает необходимость перехода к ориентации на саморазвитие регионов [44, 46, 49], отмечая при этом, что в настоящее время саморазвитию территорий препятствует высокая централизация налоговых доходов в федеральном бюджете, что снижает мотивацию региональных властей к повышению бюджетных доходов региона, стимулирует иждивенчество [45, с. 31]. Это создает предпосылки для конкуренции регионов за ресурсы федерального бюджета, а не для конкуренции на основании конкурентных преимуществ, которая подразумевается в концепции региональной конкурентоспособности.

Следует отметить ограниченность концепции конкурентоспособности регионов и необходимость дополнения ее мерами по содействию кооперации между регионами. Регионы являются открытыми системами³, и в то же время представляют собой элементы системы более высокого — общенационального — уровня. Поскольку эффективность системы определяется взаимодействием ее элементов, эффективность национальной экономики зависит от уровня взаимодействия регионов между собой, от степени развития горизонтальных связей между регионами. Важность кооперации, взаимодействия между регионами подчеркивается и в докладе Всемирного банка, посвященном развитию регионов [71].

Одним из инструментов выстраивания отношений кооперации может быть кластерный подход: ориентация на формирование кластеров, включающих в себя участников — не только резидентов данного региона, но и других субъектов Федерации. Академик А.И. Татаркин предлагает рыночную модель управления пространственным развитием России на основе кластерного подхода, позволяющего связать «центр» и «окружение» [45].

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-02-00640.

Следует отметить также такое направление изучения пространственных аспектов развития, как *мезоэкономика*, предметом исследования которой является часть национальной экономики, занимающая промежуточное положение между макро- и микроуровнями. Наряду с регионами, к объектам изучения мезоэкономики исследователи относят отрасли, рынки, крупные межотраслевые экономические комплексы, совокупности предприятий, сгруппированных по иным признакам [12]⁴, а также корпорации, крупные хозяйственные структуры, объединяющие различные группы интересов [6]. Г.Б. Клейнер с позиций мезоэкономики подчеркивает, что для решения проблемы чрезмерной региональной дифференциации необходимо развивать не только регионы, а и другие мезоэкономические структуры [13].

Место и роль институтов в развитии регионов рассматриваются в работах Т.Р. Гареева [4], Г.Б. Клейнера [12, раздел 6.2], В.М. Полтеровича [39], О.С. Сухарева [43], А.И. Татаркина и С.Н. Котляровой [48], Д.П. Фролова [52]. С позиций институтов рассматривает пространственную динамику и О.М.Рензин, в работах которого исследуются групповое поведение, а единичей анализа является сообщество как целостная, устойчивая в пространстве и времени система взаимосвязанных элементов экономического поведения [41]. В рамках институционального подхода роль укорененности социально-экономического развития в культурных, исторических и географических особенностях территории для объяснения пространственного развития исследует Р. Хайтер (Hayter) [61].

Особо следует выделить *теорию полюсов роста*, которая была основана представителем классического (традиционного) институционализма Ф.Перру⁵ [36]. Данная концепция исходит из того, что неравенство является основной характеристикой экономической жизни, в которой всегда существуют доминирующие и подчиненные экономические единицы, отношения между которыми не могут быть описаны в рамках доктрины всеобщего равновесия. Доминирующая макроединица представляет собой своеобразный полюс роста, развитие которого влияет на развитие остальных экономических единиц. Основываясь на концепции доминирующей экономики, Ф. Перру делает три вывода: 1) сбалансированный экономический рост — иллюзия; любая политика роста всегда является политикой неравномерного роста; 2) любая структурная политика имеет целью не приспособление к существующим структурам, а активное их преобразование в желаемом направлении; 3) неравномерность экономического роста приводит к тому, что любая структурная политика всегда является избирательной [37].

Заметим, что избирательность экономической политики обуславливает актуальность сравнительного анализа регионов, выработки критериев выбора объектов для осуществления мер, направленных на достижение целей в области пространственного развития.

Согласно концепции полюсов роста, неравенство (дифференциация) регионов неизбежно, но посредством стимулирования развития полюсов роста возможно повысить эффективность экономической системы в целом, а в результате экономического роста будет улучшаться и положение подчиненных экономических единиц.

Три принципа гармонизированного роста, предлагаемые Ф. Перру — максимизация валового регионального продукта и минимизация колебаний его показателей; уменьшение диспропорций между сферами экономики; гуманизация экономического развития в целом — на наш взгляд, могут являться ориентирами для реализации сбалансированной политики регионального развития.

В настоящее время среди исследователей существует две позиции в отношении теории полюсов роста: с одной стороны, признается необходимость выбора приоритетов ввиду ограниченности ресурсов, которые можно направить на развитие территорий, с другой стороны, отмечается, что полюса роста за счет более благоприятных условий хозяйственной деятельности стягивают на себя ресурсы из подчиненных экономических единиц, таким образом, подрывая потенциал развития последних⁶.

Соотношение ориентации на поддержку точек роста и одновременно — на обеспечение стандартов уровня жизни в

отстающих регионах можно выразить следующим образом: поддержка точек роста — задача общеэкономической политики, а задача региональной политики состоит в компенсации негативных последствий экономического роста, состоящих в нарастании межрегиональных диспропорций [20].

Теорию полюсов роста можно отнести к теориям регионального развития, которые исходят из пассивной роли пространства. Наследует и продолжает достижения теории полюсов роста в современной французской школе пространственной экономики *концепция полюсов конкурентоспособности* [51].

Новая экономическая география (НЭГ) — направление, возникшее на базе работы Пола Кругмана «Возрастающая отдача и экономическая география» (1991) [62]. Это направление опирается на теоретические предпосылки неоклассики. До появления новой экономической географии мейнстрим экономической теории (экономикс) уделял недостаточное внимание регионам. Кругман в своей работе положил начало включению достижений традиционной экономической географии в формальные математические модели. Модель «центр-периферия», представленная П. Кругманом, показывает механизм образования промышленного «центра» и аграрной «периферии», при этом основными факторами, которые обуславливают существование модели «центр-периферия», являются транспортные издержки, экономия на масштабе и доля промышленности в ВВП [62].

Возможность учета пространственных факторов в экономической теории появилась после разработки в 1970-е гг. моделей в рамках концепции монополистической конкуренции, которые позволяли учитывать одновременно и возрастающую отдачу от масштаба, и транспортные издержки (сочетание этих факторов определяет пространственную структуру экономики). Новая экономическая география отличается от новой торговой теории, лежащей в ее основе, тем, что в моделях НЭГ работники могут мигрировать между регионами, что обуславливает эндогенность объема спроса в этих моделях (спрос пропорционален численности населения). Модели НЭГ исходят из того, что эффективность размещения факторов производства (производительных сил) определяется тем, соответствует ли размещение предельной производительности факторов производству.

Активное развитие данного направления привело к тому, что в 1990-е гг. среди исследователей появилось понятие «географический поворот» в экономике («geographical turn» in economics). Этот поворот связывают с именами таких исследователей, как П.Кругман, М. Портер, Р. Барро и др. [65].

Среди крупных исследователей в области новой экономической географии за рубежом можно назвать основателя направления П. Кругмана (Krugman) [62, 63, 64], а также Ж.-Ф. Тисса с коллегами (Thisse) [57, 60, 69], М. Фуджита (Fujita) [59], и др., среди российских исследователей — В. Иванову [11], Е.А. Коломак [15, 16, 17], Е.С. Куценко [25].

Критическая оценка теоретического и практического потенциала новой экономической географии для решения задач пространственного развития представлена в работах зарубежных исследователей [57, 60, 65, 67, 68, 69] и в публикациях российских авторов [2, 24, 37].

Вопрос о месте новой экономической географии в экономической науке является дискуссионным. Рядом исследователей ставится под сомнение как «новизна» данного направления, так и его «географичность» [65, 67]. Представители географической науки, исследующие проблемы соотношения между «новой» и «классической» экономической географией, подчеркивают, что новая экономическая география является экономической наукой с точки зрения идейных основ и методов моделирования, а влияние географических исследований на нее проявляется только на уровне интерпретации результатов [24]. Области приложения «новой» и «классической» географии к решению проблем пространственного развития можно разграничить следующим образом. Новая экономическая география, благодаря развитому модельному аппарату, позволяет проводить анализ разрабатываемых мер региональной политики по типу «что, если...», а «классическая» экономическая география, с ее вниманием к неформализованному анализу, позволяет изучать качественные факторы регионального роста и развития [65].

Заметим, что, по нашим наблюдениям, в настоящее время новая экономическая география является вторым по распространенности среди исследователей (после региональной экономики) подходом к изучению пространственного развития.

С конца 1990-х — начала 2000-х гг. в региональной науке, представленной экономической географией, активно развивается направление «эволюционная экономическая география» (*evolutionary economic geography*), которое представляет собой синтез экономической географии и эволюционной экономики. В рамках данного направления акцентируется внимание на необходимости учета исторической специфики и ряд других факторов, которые не учитываются в новой экономической географии, что позволяет расширить возможности объяснения закономерностей пространственного развития [58, 66].

По итогам нашего обзора основных направлений исследования пространственных аспектов в экономической теории можно сформулировать следующие выводы:

Решение задач экономического развития регионов требует совершенствования методологии отражения развития в количественных и качественных показателях, что обуславливает актуальность синтеза достижений основных теоретических направлений, объектом исследования которых является

пространственное развитие. При этом такой синтез должен быть выполнен не эклектично, а обеспечивать непротиворечивость сформированной на его основе методологии исследования⁹.

Изучение характеристик основных подходов к исследованию пространственных аспектов экономики позволяет сделать выводы о том, что наибольшим потенциалом для решения задач пространственного развития обладают воспроизводственный подход и системная регионалистика, которые могут быть дополнены достижениями ряда других подходов по ряду параметров (а именно — наработками в области теории полюсов роста, новой экономической географии, теории региональной конкурентоспособности и др.). Такой синтез достижений различных подходов, обеспечивающий цельность и непротиворечивость применяемой исследовательской методологии, возможен в рамках разработки критериев сравнительного анализа экономического развития регионов. Сравнительный анализ субнациональных пространств позволит выделить группы регионов, однородных по определенным показателям развития, и разработать для каждой группы регионов меры по совершенствованию системы экономических отношений, институтов, параметров региональной экономической системы.

Литература

1. Асаул А.Н., Балакина Г.Ф., Соян М.К. Современные парадигмы региональной экономики // Проблемы современной экономики. — 2013. — № 4. — С. 257–260.
2. Волчкова Н. Новая теория международной торговли и новая экономическая география (Нобелевская премия по экономике 2008 года) // Вопросы экономики. — 2009. — № 1. — С. 68–83.
3. Газизуллин Ф.Г. Проблемы воспроизводства общественного продукта в эволюции экономической теории // Проблемы современной экономики. — 2014. — № 4. — С. 64–65.
4. Гареев Т.Р. Региональный институционализм: Terra Incognita или Terra Ficta? // Journal of Institutional Studies = Журнал институциональных исследований. — 2010. — Т.2. — № 2. — С. 27–37.
5. Гранберг А.Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион: экономика и социология. — 2009. — № 2. — С. 166–178.
6. Дементьев В.Е. Теория национальной экономики и мезоэкономическая теория // Российский экономический журнал. — 2002. — №4. — С.71–82.
7. Демьяненко А.Н. О регионалистике...(некоторые соображения) // Регионалистика. — 2014. — Т. 1. — №1. — С.8–17.
8. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. — М.: Новый хронограф, 2014. — 548 с.
9. Зубаревич Н.В. Модернизация и российское пространство // Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / Под ред. А.А. Аузана и С.Н. Бобылева. — М.: ПРООН в РФ, 2011. — С. 130–143.
10. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. — М.: НИСП, 2010. — 160 с.
11. Иванова В.А. Региональная конвергенция доходов населения: пространственный анализ // Пространственная экономика. — 2014. — № 4. — С. 100–119.
12. Клейнер Г.Б. Мезоэкономика развития / Под ред. Г.Б. Клейнера. — М.: Наука, 2010. — 805 с.
13. Клейнер Г.Б. Российская мезоэкономика: проблемы и решения // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. — 2003. — № 3. — С. 2–9.
14. Клисторин В. Пространственная экономика и региональные исследования: нерешенные задачи // Регион: экономика и социология. — 2007. — № 1. — С. 56–68.
15. Коломак Е. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. — 2013. — №2. — С. 132–151.
16. Коломак Е.А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. — 2014. — № 4. — С. 82–99.
17. Коломак Е.А. Эволюция пространственного распределения экономической активности в России // Регион: экономика и социология. — 2014. — № 2. — С. 75–93.
18. Кузнецова О. Пирамида факторов социально-экономического развития регионов // Вопросы экономики. — 2013. — №2. — С. 121–132.
19. Кузнецова О.В., Кузнецов А.В. Системная диагностика экономики региона. — М.: ЛИБРОКОМ, 2012. — 232 с.
20. Кузнецова О.В. Трансформация федеральной региональной политики России с середины 2000-х годов // Труды ИСА РАН. 2009. Т. 43. — С. 25–42.
21. Кульков В.М. Пространственная экономика как объект научного анализа и инновационного приложения // Инновационное развитие экономики России: региональное разнообразие: Шестая международная научная конференция; Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова: Сб. статей. Т.1 / Под ред. А.А. Аузана, В.П. Колесова, Л.А. Тутова. — М., 2013. — С. 65–72.
22. Кульков В.М. Пространство и содержание национально ориентированного подхода в экономической теории // Российский экономический журнал. — 2013. — № 2. — С. 70–97.
23. Кульков В.М. Экономическое пространство: теоретические аспекты и современные процессы // Вестник Моск. ун-та. Сер.6. Экономика. — 2014. — № 1. С. — С. 3–19.
24. Куричев Н.К. Новая экономическая география: взгляд экономико-географа // Региональные исследования. — 2011. — №4. — С. 3–16.
25. Куценко Е.С. Зависимость от предшествующего развития в сфере пространственного размещения производительных сил — плохая новость для эмпирических исследований агломерационных эффектов // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2012. — №2. — С. 10–27.

26. Лексин В.Н. К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // Регион: экономика и социология. — 2009. — №3. — С. 19–40.
27. Лексин В.Н. Региональная действительность и региональные исследования // Регион: экономика и социология. — 2014. — № 2. — С. 75–93.
28. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Реформы и регионы: Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. — М.: ЛЕНАНД, 2012. — 1024 с.
29. Мельникова Л.В. «Пространственно-нейтральная» и «локально-адресная» региональная политика: проблемы выбора // Регион: экономика и социология. — 2014. — №1. — С. 64–85.
30. Минакир П.А. Мнимые и реальные диспропорции экономического пространства // Пространственная экономика. — 2008. — №4. — С. 5–18.
31. Минакир П.А. Экономический анализ и измерения в пространстве // Пространственная экономика. — 2014. — №1. — С. 12–39.
32. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. — 2010. — № 2. — С. 6–32.
33. Михеева Н.Н. Динамика социально-экономического пространства России: факторы экономического роста // Проблемы пространственного развития: методология и практика исследования / Под ред. Г.Г. Фетисова. — М.: СОПС, 2012. — С.99–111.
34. Михеева Н.Н. Оценка ресурсного сектора дальневосточной экономики на основе таблиц «затраты-выпуск» // Пространственная экономика. — 2006. — № 1. — С. 72–86.
35. Михеева Н.Н. Сравнительный анализ инновационных систем российских регионов // Пространственная экономика. — 2014. — № 4. — С. 61–81.
36. Перру Ф. Политика гармонизированного роста // Мировая экономическая мысль: Сквозь призму веков. В 5 тт. Т. IV. — М.: Мысль, 2004. — С. 402–414.
37. Пилясов А.Н. Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России // Региональные исследования. — 2011. — №1. — С. 3–31.
38. Пилясов А.Н. Новые закономерности размещения производства // Проблемы пространственного развития: методология и практика исследования / Под ред. Г.Г. Фетисова. — М.: СОПС, 2012. — С.65–79.
39. Полтерович В.М. Региональные институты модернизации // Экономическая наука современной России. — 2011. — № 4. — С. 17–29.
40. Рензин О.М. Институциональные парадигмы и региональные исследования // Власть и управление на Востоке России. — 2011. — № 4. — С. 52–58.
41. Рензин О.М. Пространственная дифференциация институциональных условий развития национальной экономики // Власть и управление на Востоке России. — 2009. — № 1. — С. 31–36.
42. Саялова А.Р. Таблицы «затраты-выпуск» в анализе и прогнозировании структурных параметров экономики региона // Проблемы прогнозирования. — 2004. — № 6. — С. 28–41.
43. Сухарев О.С. Текущее состояние и перспективы институтов регионального развития // Федерализм. — 2012. — №1. — С.61–72.
44. Татаркин А.И. Развитие экономического пространства регионов России на основе кластерных принципов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2012. — №3. — С. 28–36.
45. Татаркин А.И. Рыночная модель управления пространственным развитием РФ // Вестник института экономики РАН. — 2013. — №1. — С. 55–76.
46. Татаркин А.И. Саморазвитие территориальных социально-экономических систем как потребность федеративного обустройства России // Экономика региона. — 2013. — № 4. — С. 9–26.
47. Татаркин А.И., Анимица Е.Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики // Экономика региона. — 2012. — № 3. — С. 11–21.
48. Татаркин А.И., Котлярова С.Н. Региональные институты развития как факторы экономического роста // Экономика региона. — 2013. — № 3. — С. 9–18.
49. Татаркин А.И., Татаркин Д.А. Саморазвитие регионов в контексте федеративных отношений // Пространственная экономика. — 2008. — №4. — С. 60–70.
50. Теняков И.М. Региональные аспекты структуры совокупного продукта и качества экономического роста в России // Инновационное развитие экономики России: региональное разнообразие: Шестая международная научная конференция; Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова: Сборник статей. Т.1 / Под ред. А.А. Аузана, В.П. Колесова, Л.А. Тутова. — М., 2013. — С.85–93.
51. Украинский В. Н. Французская пространственная экономика: от промышленных округов до полюсов конкурентоспособности // Пространственная экономика. — 2011. — №3. — С. 71–99.
52. Фролов Д.П. Имеют ли институты значение для пространственной экономики? // Пространственная экономика. — 2015. — № 1. — С. 14–37.
53. Хубиев К.А. Системный подход к потенциалу развития и факторам торможения российской экономики // Экономическое возрождение России. — 2015. — № 1. — С. 23–29.
54. Черковец В.Н. Политическая экономика как общеэкономическая теория и региональный аспект социально-экономического развития России // Журнал экономической теории. — 2013. — № 2. — С. 31–44.
55. Швецов А.Н. О системной типологизации в региональной политике // Труды ИСА РАН. — 2008. — Т. 36. — С. 18–33.
56. Швецов А.Н. Роль государства в преобразовании социоэкономического пространства // Пространственная экономика. — 2015. — № 1. — С. 38–61.
57. Behrens K. and J.-F. Thisse. Regional Economics: a new economic geography perspective // Regional Science and Urban Economics. 37 (2007), pp. 457–465.
58. Boschma, R.A., Frenken K. Why is economic geography not an evolutionary Science? Towards an Evolutionary Economic Geography / Available at <http://econ.geo.uu.nl/peeg/peeg0501.pdf>. — (accessed: 20.06.2015).
59. Fujita, M. and J.-F. Thisse. Economics of Agglomeration. Cities, Industrial Location and Regional Growth. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002.
60. Fujita, M. and J.-F. Thisse. New Economic Geography: An appraisal on the occasion of Paul Krugman's 2008 Nobel Prize in Economic Sciences // Regional Science and Urban Economics, 2009, № 39, pp. 109–119.
61. Hayter R. Economic Geography as Dissenting Institutionalism: The Embeddedness, Evolution and Differentiation of Regions // Geografiska Annaler. Series B, Human Geography, Vol. 86, No. 2 (2004), pp. 95–115.

62. Krugman, P. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. 1991. Vol.99. №3. pp. 483–499.
63. Krugman, P. Geography and Trade. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
64. Krugman, P. Development, Geography, and Economic Theory. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
65. Martin, R. The new 'geographical turn' in economics: some critical reflections // Cambridge Journal of Economics. 1999. Vol.23, pp. 65–91.
66. Martin, R., Boschma, R.A. Constructing an evolutionary economic geography // Journal of Economic Geography. 2007. № 7. pp. 537–548.
67. Martin, R., Sunley, P. Paul Krugman's Geographical Economics and Its Implications for Regional Development Theory: A Critical Assessment // Economic Geography, Vol. 72, No. 3 (Jul., 1996), pp. 259–292
68. Martin, R., Sunley, P. The new economic geography and policy relevance // Journal of Economic Geography. 2011. №11. pp. 357–369.
69. Ottaviano G. I. P., and J.-F. Thisse. New economic geography: What about the N? // Environment and Planning. 2005. A 37, pp. 1707–1725.
70. Storper, M. Why do regions develop and change? The challenge for geography and economics // Journal of Economic Geography. 2011. №11. Pp. 333–346.
71. World development report 2009: reshaping economic geography. Washington D.C. The Worldbank, 2009.

¹ Отметим, что среди исследователей нет единства по поводу наименования всей совокупности таких концепций: встречаются такие определения, как пространственная экономика, региональная экономика, региональные науки и др. Подробнее эволюция подходов и методологии пространственной экономики рассматривается П.А. Минакиром и А.Н. Демьяненко [32].

² Эволюция научных представлений о региональной экономике как самостоятельном направлении экономических знаний подробно рассматривается в работе А.И. Татаркина и Е.Г. Анимица [47], формирование и эволюция региональной концепции и её реализации в рамках исследования географического и социального пространств являются предметом исследования в работе А.Н. Демьяненко [7].

³ Тезис о том, что регион является открытой системой, в контексте проблемы повышения эффективности региональных инновационных систем аргументировал профессор В.Л. Тамбовцев в докладе «Региональный инновационный потенциал: направления развития и эффективность использования в регионах РФ», представленном на Ломоносовских чтениях, проходивших на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 17 апреля 2013 г.

⁴ В работе Г.Б. Клейнера регионам как объекту изучения мезоэкономики посвящена отдельная глава — см.: [12, Гл. 6. «Региональные мезоэкономические системы»].

⁵ Данная концепция отнесена нами к традиционному институционализму исходя из того, что она отрицает возможность достижения всеобщего равновесия, и таким образом расходится с неоклассикой, тогда как новый институционализм разделяет основные предпосылки неоклассики. Также Ф. Перру относят к классическому институционализму составители хрестоматии «Мировая экономическая мысль: Сквозь призму веков» (ред. А.Г. Худокормов и Г.Г. Фетисов, М., 2004).

⁶ Так, В.М. Полтерович придерживается позиции, что отрицательные внешние эффекты от полюсов роста, проявляющиеся в снижении потенциала развития подчиненных экономических единиц, нуждаются в учете и компенсации при проведении экономической политики (данную позицию В.М. Полтерович аргументировал на одном из заседаний научного семинара «Региональная экономика», проводимого на регулярной основе в Московской школе экономики (факультете) МГУ имени М.В. Ломоносова).

⁷ Другими словами, можно охарактеризовать новую экономическую географию как направление мэйнстрима экономикс, которое пересматривает традиционную теорию размещения и регионального развития в соответствии с текущим уровнем развития формальных (математических) методов в экономике.

⁸ На необходимости соблюдения этого принципа при синтезе достижений различных концепций применительно к синтезу парадигм региональных исследований акцентируют внимание А.Н. Асаул, Г.Ф. Балакина и М.К. Соян [1].

ПРОБЛЕМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ»: ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ

С.А. Долматова,

старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН (г. Москва),
кандидат экономических наук,
steldol@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы кризиса социально-экономического и общественно-политического развития в позднесоветский период, приведшие к некритическому заимствованию нелиберальной экономической доктрины, успешно решавшей задачи общества потребления. На Западе же в это время созрели предпосылки общественного интереса к другой модели развития с кульминацией в виде «Повестки XXI», принятой странами-членами ООН на Саммите в Рио-де-Жанейро в 1992 году, т.е. согласованного плана на XXI век по достижению «устойчивого развития». Однако либеральная экономическая доктрина монополизировала концепцию «устойчивого развития». При этом игнорирование политэкономии, как науки, оказалось непростительной ошибкой, позволившей неоклассическому мэйнстриму интерпретировать и редуцировать эту концепцию под прямо противоположные ее духу цели.

Ключевые слова: глобальная экономическая модель развития, либеральная экономическая доктрина, неоклассический мэйнстрим, «устойчивое развитие», политэкономический императив

ББК У9(2)-961-314(23)я431

Кризис социально-экономического и общественно-политического развития в позднесоветский период воспринимался обществом, прежде всего, как кризис системы директивного плана управления, не способной удовлетворять насущные

потребности общества адекватно запросам конца XX века. Очевидным для всех результатом этого кризиса стало разрушение всей планово-командной системы управления. Кризис указывал на необходимость поиска новой модели развития